

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ПРОФЕССОРА И.М. РАГИМОВА
«РЕЛИГИЯ И НАКАЗАНИЕ» (СПб., 2020. – 217 с.)**

© 2021 г. А. И. Бастрькин

Следственный комитет Российской Федерации, г. Москва

Поступила в редакцию 03.03.2021 г.

Аннотация. В рецензии на представленную монографию содержится подробный анализ сути и содержания ее подразделов. Рецензент приходит к выводу о том, что автору удалось преодолеть традиционную для юристов, исследовавших философские аспекты правового регулирования, проблему. Эта проблема состоит в узком понимании ими объекта правового регулирования – фактически сложившихся общественных отношений.

Юристы, выступая в роли исследователей глобальных правовых проблем, редко обращают внимание на глубокие философские вопросы, сосредоточиваясь на юридической стороне вопроса. Поэтому цели, задачи и, соответственно, смысл правового регулирования оставались и остаются вне внимания авторов такого рода исследований. Представленную же монографию, напротив, выгодно отличает повышенное внимание ее автора к глобальным философским проблемам, что позволит дать четкие ориентиры в понимании права человека и государства вершить справедливое правосудие и назначать справедливое наказание. Рецензируемая монография также позволяет ответить на чрезвычайно трудный и не имеющий универсального ответа вопрос о границах Божественной воли, человеческого разума и человеческой деятельности.

Ключевые слова: право, права человека, наказание, философия, религия, рецензия на книгу, церковь, государство, ислам, христианство.

Цитирование: Бастрькин А.И. Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 81–103.

DOI: 10.31857/S102694520014363-0

**REVIEW OF THE BOOK BY PROFESSOR ILGAM M. RAGIMOV
“RELIGION AND PUNISHMENT” (St. Petersburg, 2020. – 217 pp.)**

© 2021 A. I. Bastrykin

Investigative Committee of Russia, Moscow

Received 03.03.2021

Abstract. The review of the presented monograph contains a detailed analyze of the essence and content of its subsections. The reviewer comes to the conclusion that the author has managed to overcome the problem traditional for lawyers who have studied the philosophical aspects of legal regulation. This problem is in narrow understanding of the object of legal regulation – in fact, established social relations.

Lawyers, acting as researchers of global legal problems, rarely pay attention to deep philosophical issues, focusing on the legal side of the issue. Therefore, the goals, objectives and, accordingly, the meaning of legal regulation remained and remain outside the attention of the authors of this kind of research. The presented monograph, on the contrary, favorably distinguishes its author's increased attention to global philosophical problems, which will provide clear guidelines in the understanding of human and state rights to administer fair justice and impose fair punishment. Also, this article allows you to answer an extremely difficult and not having a universal answer to the question about the boundaries of the Divine will, human mind and human activity.

Key worlds: law, human rights, punishment, philosophy, religion, book review, church, state, Islam, Christianity.

For citation: Bastrykin, A.I. (2021). Review of the book by Professor Ilgam M. Ragimov “Religion and punishment” (St. Petersburg, 2020. – 217 pp.) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 81–103.

В конце 2020 г. увидела свет монография известного специалиста в области уголовного права и криминологии профессора Ильгама Мамедгасана Рагимова «Религия и наказание». Этот труд является продолжением целого ряда серьезных и глубоких исследований, выполненных автором по очень сложной и многогранной теме уголовного наказания («Философия наказания и проблемы его назначения», «Философия преступления и наказания», «О нравственности наказания», «Преступность и наказание»).

Работа, о которой идёт речь, по своим целям и содержанию значительно отличается от вышеуказанных сочинений. В первую очередь тем, что автор предпринял серьёзную научную попытку глубоко рассмотреть многоаспектные отношения, которые существуют между уголовно-правовым институтом назначения наказания за уголовные преступления и религией.

В современной юридической литературе, да и в литературе последних десятилетий, произведения подобного рода нам не известны. Мы знаем, что юристы неоднократно рассматривали вопросы уголовного наказания, его целей и видов прежде всего в правовом аспекте. Но речь шла только о правовом содержании и правовом регулировании соответствующих общественных отношений, о правовых целях законодателя и правовых средствах достижения этих целей. И даже тогда, когда юристы рассуждали о том, должно ли уголовное наказание содержать элементы кары и воздаяния, они редко выходили за пределы чисто юридической тематики и не углублялись в философские основы и тем более религиозные аспекты данной проблематики.

Эту традицию хорошо изучил проф. И. М. Рагимов, когда в своих работах затрагивал вопросы философии и нравственности. И это позволило серьезно расширить горизонты проникновения в тему наказания вообще, попытаться получить философское и нравственное объяснение конечных целей, задач и содержания наказания человека за совершенное преступное деяние.

В нынешней книге проф. И. М. Рагимов пошёл значительно дальше: он попытался показать истоки целей, назначения и смысла наказания в религиозных учениях Церкви. В учениях самой различной, иногда самой противоположной и непримиримой направленности. Автор пытается понять и донести до читателей религиозные постулаты не только как религиозные догмы, но и как нравственные обоснования права государства на кару и возмездие в отношении человека, преступившего закон.

Это дает нам право прежде всего указать на большую творческую и научную смелость автора, ибо не всякий, даже очень подготовленный

в теоретическом плане юрист, возьмётся за установление и объяснение закономерных связей между Священными Писаниями, религиозными верованиями и учениями и, казалось бы, крайне прагматичной сферой государственной деятельности, каким является применение уголовного наказания.

Но эта смелость в данном случае вполне оправдана. Автор строит своё исследование прежде всего на глубоком изучении первоисточников религиозной веры самой различной направленности. Такой подход обеспечивает исследователю фундаментальный научный, теоретический, мировоззренческий и практический фундамент выполненного им научного изыскания.

Автор последовательно выполняет требования ведущих принципов научного исследования — принципа историзма, объективности, последовательности, системности, целостности, динамизма, фактологической обоснованности, достаточной глубины и убедительности хода исследований и его результатов.

На пути к конечному результату автора ожидали немалые трудности. Но главная трудность, которая в данном случае носит объективный характер, заключается в том, что указанное исследование затрагивает ту сферу человеческого бытия, которая самым тесным образом связана с областью не объективных и прочных знаний, добытых наукой, а Веры, которая, в свою очередь, тесно связана с областью сомнений и поисков.

Именно в этом заключается не только крайняя сложность исследования, но и важное практическое его значение: дать и верующим, и неверующим людям четкие ориентиры в понимании права человека и государства вершить справедливое правосудие и назначать справедливое наказание. И ответить на чрезвычайно трудный вопрос: где в этом сложнейшем процессе Божественная воля и где — человеческий разум и деятельность человека? И очень правильно, что творческий процесс поиска истины в данном случае начинается с исторических разысканий.

* * *

Монография проф. И. М. Рагимова показала нам многовековой исторический путь развития уголовного наказания в теснейшей связи с развитием религиозного учения и развитием Церкви. За прошедшие века Церковь оказала огромное влияние на многие стороны общественной жизни, в т.ч. на формирование обычного права, явившегося одним из факторов, серьезно повлиявших на становление и современного уголовного законодательства.

С укреплением христианства на Руси начинает меняться материальный взгляд на преступление — оно становится не только причинением вреда, но и нарушением религиозных предписаний. Таким образом, благодаря православию институт преступления приобретает религиозный оттенок, а понятия «преступление» и «грех» становятся идентичными, хотя последнее, безусловно, значительно масштабнее.

В некоторых отраслях права начинает проследиваться тенденция активного вхождения церкви в законотворческий процесс.

Это движение коснулось и уголовного права. В результате значительно расширяется круг деяний, влекущих уголовное наказание; в самостоятельный состав преступления выделяется неосвященная церковью совместная жизнь мужчины и женщины (так, церковь пытается пресечь внебрачные половые связи, поскольку это преследуется каноническим учением); преступлением против благочестия становится прелюбодеяние; в отдельный состав преступления выделяется изнасилование.

Ветхий Завет также служит основанием для запрета и определения преступным деянием ведьмовства, приготовления зелья и т.п. Эти и другие ветхозаветные запреты получили отражение в Уставе князя Владимира, представляющем собой первую попытку масштабного применения на Руси православных канонов и начало кодификации русского церковного права.

После крещения русского народа рядом с веками слагавшейся религиозной системой языческого права постепенно формируется новая система права христианской церкви. Борьба православной церкви с юридическими обычаями языческой поры продолжалась несколько столетий, но, как явствует из решений Стоглавого собора, полная победа не была одержана даже ко второй половине XVI в.

Причина такого «замедленного» изживания институтов и норм древнего права объясняется отставанием в социально-экономическом развитии средневековой Руси, а также политикой изоляционизма, которую православная страна проводила перед лицом католической и протестантской Европы.

Ограничение людских контактов и идеологическая неприязнь мешали заимствованию религиозных новелл в юридической сфере. Лишь в Московском царстве XVII в. действие этих факторов ослабло, правовая система достигла относительной однородности и высокого уровня совершенства. Это в полной мере относится к Соборному уложению царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Принято оно было в 1649 г.

и в значительном объеме действовало до свержения монархии в 1917 г., заслужив высокую оценку современников.

В последующем в уголовном законодательстве России не только прослеживается постоянное влияние православия на развитие институтов преступления и наказания, но и формируется целая группа религиозных преступлений, получивших название преступлений против веры. При этом по-прежнему значимыми остаются преступления, не носящие чисто религиозного характера, но нарушающие христианские догматы и запреты. На определенном этапе развития уголовного законодательства большая часть из них перейдет в группу преступлений против нравственности или против личности. Это преимущественная часть половых преступлений, преступления детей против родителей и некоторые др.

Со времени создания Соборного уложения 1649 г. по объекту посягательства на первое место выходят государственные, публичные интересы. Вместе с тем Церковь по-прежнему играет значительную роль в Российском государстве, однако последнее, начиная с Петра I, учредившего в 1721 г. Святейший Синод, пытается ограничить ее влияние, в т.ч. и в области законодательной политики. И все же, несмотря на удаление церкви от соучастия в управлении светскими делами, она не была отстранена от светской деятельности вообще, ибо число составов религиозных преступлений в России значительно возросло по сравнению с Соборным уложением. Это резко контрастировало с падением аналогичного показателя в Европе (например, в Кодекс Наполеона были включены только пять статей о посягательствах на свободу отправления богослужения, а в общегерманском Уголовном кодексе и того меньше — три).

Данный и многие другие факты свидетельствуют о том, что Российское государство очень нуждалось в сохранении верования большинства населения и в поддержке Православной Церкви.

Таким образом, в течение почти двухтысячелетнего существования христианской религии Церковь и государство, различные по своим целям и средствам, с помощью которых они призваны действовать, никогда не стояли обособленно друг от друга. Уголовное право дореволюционной России, равно как и его законодательство, прошли свой путь рука об руку с христианской религией вплоть до Октябрьской революции 1917 г., всегда находя у своего союзника духовную поддержку и канонические рецепты для криминализации отдельных общественно опасных деяний, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

Все это глубоко и убедительно показано в книге проф. И.М. Рагимова.

* * *

Монография проф. И.М. Рагимова содержит важные методологические положения и выводы. В этом состоит главный и теоретический, и практический результат его труда. Изначально учение о наказании, как и многие другие явления науки, было предметом философской мысли. Поэтому на протяжении многих веков вокруг данного понятия разворачивались крайне оживленные, а иногда и очень горячие дискуссии, в результате которых появилось большое количество различных концепций, учений и теорий.

В этой связи автор совершенно справедливо указывает, что юристы должны, бесспорно, рассматривать понятие наказания как понятие правовое, а не как философское, т.е. юристов в первую очередь должна интересовать юридическая сторона вопроса. Следовательно, при определении понятия наказания юрист при всем желании никак не может обойтись без учений и понятий, имеющих чисто юридическое значение.

В то же время, говорит проф. И.М. Рагимов, следует помнить, что разрешить проблему наказания никогда не удастся, если отделять право от реального мира фактов и явлений, на основе которых оно выросло. А это означает, что нельзя переоценивать роль юридических признаков и при определении понятия наказания.

Что же касается философии, то она считает, что отличительной чертой наказания, по сравнению с другими правовыми мерами, является присущий ему элемент возмездия (Платон, Цицерон, Сенека, Г. Гроций, Кант, Гегель и др.). Но и из содержания Священных Писаний ясно усматривается Божеская мысль о том, что возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. В этом смысле в определении понятия наказания как возмездия существует единство во взглядах религиозных деятелей и философов. Различие заключается лишь в том, что первые обосновывают свое мнение ссылками на Библию и Коран, а вторые — на методы философии, способные познать сущность наказания, выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии.

Именно философское осмысление сущности наказания дает юристам возможность вникнуть в суть этого явления, подвести его под выработанные философией мысли о категориях и найти ответ на вопрос: какие же цели ставит перед собой Господь Бог, применяя наказание?

С этими положениями, содержащимися в сочинении проф. И.М. Рагимова, трудно не согласиться.

* * *

Книга проф. И.М. Рагимова своей направленностью и содержанием утверждает весьма важную истину. Эта истина заключается в том, что вопрос Веры в Бога и его всемогущество — это не только вопрос веры, но и вопрос знания.

Ведь совсем не случайно среди авторов богословских творений были не столько отшельники-пустынники, а люди глубоко образованные. Это крупные и известные философы и ученые, обладавшие обширными сведениями во всех отраслях знаний.

Для примера укажем на одного из них — св. Василия Великого. Он изучал науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время цвет ума и таланта. Был красой и гордостью своих профессоров. Но все светские знания не могли насытить его ум, искавший нечто высшее — небесного озарения. Тогда он отправился в те страны, где жили христианские подвижники, и где он мог вполне ознакомиться с истинно-христианской наукой. Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений, прилежно и долго изучал их.

После долгого отсутствия, возвратясь в Афины, он продемонстрировал грекам-современникам, по их признаниям, разум, превосходивший обычную человеческую мерку ума, и в этом отношении он приближался к богам.

Великий Сократ сознавал, что все, что человек знает и что может понять, — ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. До него философия занималась почти исключительно созерцанием внешней природы, не обращая внимания на мир нравственный. Сократ открывает этот мир, оставляя внешнюю природу, в основании своей мудрости полагает самосознание и в глубине человеческой души находит свидетельство о Боге.

По мнению древнего философа Платона, «душа человека бессмертна, все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. В том только мире открывается истинная сущность вещей. Здесь мир сам по себе не имеет никакой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отображение, подобие». В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к свободе над всеми чувственными ограничениями.

Великий Гёте говорил: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому что твердо убежден,

что наш дух есть существо, природа которого остается неразрушимой и непрерывно, вечно будет действовать; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного сна, а на самом деле никогда не заходит».

Математик Коней делился самым сокровенным: «Я христианин, я верую, что Иисус Христос был Бог, сошедший на землю; верую, как Тихо Браге, Коперник, Ньютон, Паскаль, Лейбниц, как все великие астрономы, физики и математики. Во всем христианском вероучении я ничего не вижу, что сбивало бы с толку мою голову, было бы ей вредно. Напротив, без этого святого дара веры, без знания о том, на что мне надеяться, и что ожидает меня в будущем, душа моя в неуверенности и беспокоестве металась бы от одной вещи к другой, и эта тревога души и неуверенность в мыслях есть то, что нередко производит отвращение к жизни и может в конце концов привести к самоубийству».

Французский историк И.А. Тэн пишет: «Христианство — это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченных кругозоров».

«Религиозное обучение, по-моему, — говорил В. Гюго, — в настоящее время более необходимо, чем когда-либо. Чем больше человек растет, тем более он должен веровать. Несчастье и, можно сказать, главнейшее несчастье нашего времени, составляет стремление все ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни».

Материалистам можно напомнить глубокую мысль Иннокентия, архиепископа Херсонского, в пользу мнения о бессмертии души: «Если бы душа была одно с телом, то болезни тела должны были бы отзываться на всех, так называемых, душевных способностях, а мы видим часто, что при совершенном измождении тела, в крайних страданиях, сохраняется некоторыми людьми совершенно полное владычество над всеми муками телесными».

Что думают о Боге и о бессмертии души современные нам мыслители и ученые? Об этом можно узнать из результатов анкеты по вопросу о бессмертии, которую выполнил Р. Томсен из Чикаго. Он обратился к ученым и мыслителям всех стран, в т.ч. и России, в начале XX в. Ответы размерами от нескольких строк до больших трактатов были собраны в большую книгу под названием «Доказательства в пользу загробной жизни. Собрание мнений некоторых выдающихся ученых и мыслителей о будущей жизни».

Из 47 ответов подавляющим большинством голосов (39 против 6) даны положительные ответы, притом основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать об отрицательных ответах двух и уклончивых четырех мыслителей. Двумя же учеными не было дано никакого определенного ответа на поставленный перед ними вопрос о бессмертии души. Среди этих 39 ученых встречаются имена высокого ранга, такие как физик У. Крукс, психолог В. Джеймс, физиолог Ш.Р. Рише, биолог А.Р. Уоллес и др.

Глубоко верующие мыслители утверждают, что разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятого в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех беспредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падут сами собою, потому что они большею частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Разум далеко не всемогущий царь, он часто слеп и беспомощен.

Еще Цицерон говорил, что производить мудрое устройство мира от случая — нелепо. «Могу ли, — пишет он, — не удивляться, слыша мнение, будто какие-то тела, увлекаемые неизвестной силой и тяжестью, стремились куда-то и случайным столкновением их произведен этот благоустроенный и прекрасный мир? Если это возможно, то почему же не допустить и того, что стоит только высыпать на землю отлитые из золота буквы, и из них составится чудесное литературное произведение. Если столкновение атомов могло произвести целый мир, то почему же это не может составить храм, или дом, или город, что было бы проще и легче?».

Как сказал английский философ Ф. Бэкон, нужно свой ум приспособлять к величию Божиим тайн, а не тайны эти втискивать в тесные рамки ума.

Французский математик Паскаль был уверен в том, что высший подвиг рассудка — признание, что существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок. Божественные вещи надо сначала возлюбить, а потом можно будет отчасти понять. Где у человека тот масштаб, та мерка, которыми он мог бы проверить Божью беспредельность?

Правы те, кто утверждает, что ко времени Христа человечество умело строить т.н. «чудеса света». Оно строило акрополи и capitoлии, дивные храмы, прекрасные театры, богатые библиотеки, школы, фабрики. Ко времени Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель,

Пифагор, Эпикур, Зенон. Гремели великие ораторы, трагики и поэты. Тем не менее мир в то время погибал. Потребовалось не светское образование, а некое священное откровение, некая небесная тайна, которую объявил миру Христос всего лишь в одной книге – в Новом Завете. Как же получилось, что тогдашняя тысячелетняя цивилизация вела человечество к гибели, а простой и кроткий закон Христа – к спасению?

Все Евангелие – это опровержение чудовищной мысли, будто смысл человеческой жизни лишь в науке и рассудке. Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии Божества на душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры.

Все хорошее в человеке и в человечестве, говорит Вл. Соловьев, только в соединении с Божественным предохраняет от искажения и извращения. Как только нарушена Богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в человеке.

Некоторые великие люди обладали даром слова, способностью привлекать к себе сердца людей, но кто из них сравнится с Тем, о котором слышавшие Его сказали: «Никогда человек не говорил так, как этот человек». Ни один из основателей религий не выдавал свое учение как всеобщее, предназначенное для всех людей и всех времен. Свое религиозное учение они предназначали прежде всего для своего народа, один только Иисус Христос возвестил о Себе, что Он пришел от Отца, чтобы спасти род человеческий, быть светом для всего мира, преподавать учение, которое должно быть проповедано от Иерусалима до последних пределов земли. Все воображаемые циклы перевоплощений и эволюций – совершенный ноль перед всемогущим действием благодати Божией.

* * *

Еще одна важная тема, которая затрагивается в монографии проф. И. М. Рагимова, – это тема божественного начала в праве наказания.

Автор исходит из того, что институт наказания в Священных Писаниях соприкасается, как считает религия, с признаками его богоустановленности, его Божественной природой, т.е. наказание не только устанавливается Господом, но и непосредственно Им же и применяется к виновным. Иными словами, теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в нашей нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого

общения, в законах мироздания, т.е. в религии. Суть рассуждений при этом такова: сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми делами в жизни отроческой, в жизни духовной, в политике, в религии. Он один сделал людей такими, какими они стали теперь. Он – их законодатель, учитель, их господин и судья.

Так ли это? – задается вопросом автор рецензируемого труда.

В принципе, по логике рассуждений учений, правом наказания обладает субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое – противоправным, т.е. преступным. Поэтому, вновь утверждает проф. И. М. Рагимов, необходимо обратиться к Божественным Посланиям, которые рассматриваются религией как Божьи Законы, точно так же, как и законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании данных Писаний.

А из содержания Священных Писаний усматривается, что Бог берет на себя право наказания за отступление от Его установлений.

Но возникает еще один проблемный вопрос, который подробно рассматривается в монографии. В реальной действительности право уголовного наказания принадлежит только государству, но не Всевышнему. Значит ли это, что Бог свое право передал гражданскому обществу во главе с верховной властью? Если исходить из того, что и государство создано Всевышним, то тогда все логично. Именно так обосновывается всеми религиями право наказания.

Но как бы религия ни пыталась закрепить право наказания за Божеством, наступило время, когда данный институт оказался в руках государства.

Почему же это произошло? Автор предпринимает попытку ответить и на этот весьма непростой вопрос. И вот к какому выводу он приходит: никто, даже государство, не имеет право посягать на жизнь человека и свободу. Однако прежде чем передать свое право наказания какому-либо субъекту, Господь Бог должен был создать такой орган, который мы именуем государством. Затем Он, как Творец, зная о том, что вечные раздоры между людьми неминуемы, решил пожертвовать частью свободы человека созданному Им органу с тем, чтобы люди могли ею пользоваться спокойно и быть в безопасности.

Таким образом, источником права наказания общественной власти является необходимость защитить общественную безопасность от насилия отдельных лиц. Тем самым Господь Бог освободил

Себя от наказания людей в земной жизни, но оставил за Собой право наказания в жизни загробной.

Не менее важное научное и практическое значение имеет и вопрос об основании наказания Божьего.

Существует мнение, что современная система понятий преступления вобрала в себя Кодекс Моисея – Ветхий Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы почти всех государств.

В связи с этим важно отметить, что ни в одном из Священных Писаний, в т.ч. и в Ветхом Завете, не дается определение понятия преступления. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в их создание и как велит нам понимать сущность данного явления.

Греховными, т.е. преступными, с религиозной точки зрения считаются любые деяния, которые нарушают установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, который содержат преступления против религии?

В различных религиях, и прежде всего в исламе, утверждается, что грех есть в то же время и преступление. Иными словами, понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Недаром Всевышний употребляет слово «преступить». Это слово и понимается как обозначающее преступление. Такая граница, например, установлена в Коране. Определена также санкция за нарушения данного установления.

Анализ религиозных источников позволяет верить в то, что Бог в своем вечном царстве судит и карает грешников на началах абсолютной справедливости. Так же и государство – наместник Бога на земле должно судить и наказывать преступников. Утверждается, что, нарушая законы, человек восстает против воли Всевышнего, ибо именно Он вложил в человека стремление к обществу, которое не может существовать без власти и законов, а значит, без этого немислима и общественная жизнь.

Поэтому, согласно религиозным догматам, вечный закон справедливости, установленный Богом, требует, чтобы ни одна противозаконная воля не могла утвердиться и одержать победу над высшим Божественным порядком; чтобы за зло, грех и преступление неизбежно следовало наказание, которое должно уничтожить противозаконное воздействие преступника на правопорядок.

Таким образом, любое преступление расценивается как неповиновение именно Богу посредством нарушения спокойствия созданного Им миропорядка, общности.

Значит ли это, что, установив наказание, Всевышний объявляет человека свободным в своих деяниях, следовательно, ответственным за них?

Исходя из теологической концепции сотворения государства и права, можно констатировать, что, сотворив нас, Бог изложил в Своих Посланиях правила поведения и подробно определил то, что благочестивый человек должен делать; что случится с ним, если он не исполнит должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и снова стать человеком благочестивым. Наделив человека качествами добра и зла, Бог в то же время не требует от него совершения зла, а наоборот, требует постоянного стремления быть добрым.

Вне всякого сомнения, в постановлениях высших религиозных актов Всевышним подчеркивается, что поступок человека добровольен, зависит от него самого, что его никто не принуждает.

Таким образом, суть Божественных Посланий заключается в том, что Бог создал человека как самостоятельное, волевое, живое существо, деяния которого могут соответствовать или не соответствовать Божьей воле.

Все, что было необходимо сделать Всевышнему, – даровать человеку свободу воли и выбор, после чего было достаточно даровать созданному Им разум для руководства своими действиями. Следовательно, для Бога основаниями для наказания являются самовольное злое поведение человека, жестокость и преступление.

Профессор И.М. Рагимов обращает внимание на еще одно весьма важное обстоятельство. Религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека причиной преступного поведения и основой Божьего наказания. Это и дает право светской власти применить к человеку, совершившему преступление, правовые меры уголовного наказания.

* * *

Значительная часть работы проф. И.М. Рагимова связана с рассмотрением вопроса о сущности и видах Божьего наказания.

Ученый правильно отмечает, что даже в отношении самого слова «наказание» никогда не существовало однозначного мнения. Но познать, что такое наказание и определить его понятие, возможно только через уяснение его сущности. Соответственно, чтобы определить понятие наказания по Господу Богу, т.е. как Он и религия это понимают, необходимо прежде всего обратиться к уяснению его содержания. А это можно сделать, полагает автор, только обратившись к Божественным Посланиям.

Следует, однако, иметь в виду, что Всевышний ни в одном из своих Священных Писаний не определяет понятие «наказание». Но глубокое осмысление постановлений Господа Бога в книгах Ветхого и Нового Заветов, Корана позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в содержание наказания и как понимает сущность данного явления.

Анализ этих религиозных актов позволяет автору монографии утверждать, что суть наказания определяется как возмездие и обосновывается это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло. Такое начало прямо выражено во всех Посланиях, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание — это воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб».

В Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, т.е. Бог посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, которое в своей страшной перспективе может привести к истреблению целых родов.

Профессор И.М. Рагимов в этой связи справедливо указывает, что принцип талиона был предусмотрен и в римских Законах XII таблиц (451—450 гг. до н.э.): «Если причинить членовредительство и не помириться с потерпевшим, то пусть ему самому будет причинено то же самое».

Ученый считает, что толкование указанных выше источников дает основания предполагать, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровавую месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион, по сути, стал предвестником института наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям прочувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они решаются.

Попутно исследователь делает важное замечание. Он обращает внимание на весьма значительное обстоятельство — Новый Завет содержит положения, которые на первый взгляд противоречат принципу талиона: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую». В этой связи автор, указывая, что более подробно об этом будет сказано в третьей главе книги, здесь все же отмечает: в данном случае речь идет о другом — описании усмирить ударившего и не более того. Позднее эта фраза в философских трудах получила наименование «золотое правило нравственности».

* * *

Чрезвычайно важной темой, которая рассматривается в монографии проф. И.М. Рагимова, является тема о соотношении воли Бога, судьбы, сознания и воли человеческой.

Исходным пунктом для решения проблемы соотношения перечисленных выше понятий стал тезис о том, что религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека главной причиной преступного поведения и, как следствие — основой Божьего наказания.

В связи с актуальностью данной проблемы автор предлагает свое видение для ее решения.

Он задается чрезвычайно важными для любого человека вопросами: что такое судьба? можем ли мы изменить ее? в чем может быть свобода выбора, которая дана человеку? как понять, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто преступником?

Автор дает краткую характеристику понятия «судьба» в различных национальных религиозных системах: в индийской философии, в философии древних греков, в древнееврейской Каббале, у античных язычников.

Краткий обзор позволяет ему прийти к обоснованному выводу, что в религиозном сознании существует понятие судьбы как теологической детерминации, т.е. Провидения. Не слепой рок, не безличные физические законы, а Премудрый и Благой Творец управляет жизнью человека. Автор утверждает, что религия, в отличие от языческой или естественнонаучной роковой детерминации, дает идею свободы и благого Промысла Божия.

Лично человек свободен в выборе между добром и злом. Поэтому только от него зависит, какова будет его судьба: станет он добродетелем или преступником. Свою судьбу человек осуществляет в течение всей жизни.

Далее проф. И.М. Рагимов утверждает, что человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловредного. Поведение человека предопределено его сознанием и волей, между которыми существует неразрывная связь. Поэтому, чем определеннее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к воздействию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Там же, где нет сознания, где оно не развито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А если это так, то человек, сознание которого составляет самую сущность его Я, сам есть деятель своих действий. Иными словами, тот, кто, совершил убийство, — мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан.

Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление о том, что такие действия повлекут за собой потерю жизни. Сознание выражается прежде всего в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем – в постановке определенных целей и подыскании средств их достижения.

Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, сознание можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, регулирующую и контролирующую все другие явления психической жизни. В то же время сущность сознания можно определить как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Одним словом, сознание – чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде.

Профессор И.М. Рагимов утверждает, что под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где такие качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает высоким уровнем сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обуславливаются внутренними мотивами – потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали и существующими правовыми нормами, но и собственной совестью.

Такое высокоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, возникают мотивы, удерживающие человека от совершения преступления.

* * *

В работе рассматриваются и цели наказания применительно к главной теме исследования – соотношения права и религии.

Под целями, как вытекает из содержания Священных Писаний, Всевышний понимает тот идеально желаемый результат, к которому он стремится, применяя наказание или другие меры воздействия на людей.

О каких же целях идет речь? Любая религия однозначно утверждает, что наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо искупление – это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле

будут совершаться преступления, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что поскольку Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец сам его не отменит.

Религия вообще считает, что наказание – это не самоцель, а милость Божия, ибо земное страдание избавляет от более ужасного страдания в будущем.

Тексты всех Божественных Писаний свидетельствуют о том, что Божье наказание есть в значительной мере охранительное средство: «Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не отзывайся о ближнем своем ложным свидетельством».

Как видим, за суровостью Божественного предупреждения кроется грозное устрашение. При этом, конечно же, нельзя забывать, что, хотя Господь Бог считает основной своей целью достижение желаемого результата – предупреждение преступлений, в Писаниях немало места уделяется также и цели исправительной. Например, Коран гласит: «Я желаю только исправления, пока могу» (Сура 11, аят 88), или: «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили» (Исх. 20:20).

Профессор И.М. Рагимов утверждает, что, в принципе, система наказаний во всех Священных Писаниях построена таким образом, что сдерживающей силой для человека является не только внешняя мораль. Изначально религия фокусируется не на каких-либо внешних правилах, а на внутреннем удерживающем факторе – совести и прилагает все усилия, чтобы взрастить ее в человеке уже с детства и привить каждому самые благородные качества. В Ветхом Завете читаем: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я (в ярости) пойду против вас и поражу вас всемерно за грехи ваши» (Лев. 26:24).

Таким образом, мотивом правопослушного поведения Всевышний считает страх наказания. И автор монографии, с нашей точки зрения, совершенно обоснованно соглашается с этим.

* * *

Профессор И.М. Рагимов в своей работе подробно рассматривает вопрос о значении и содержании принципа справедливости и принципа гуманизма при назначении наказания.

Принцип справедливости был провозглашен ещё Аристотелем. Он утверждал, что нравственные устои, подобно вершине горы, должны господствовать над расположенными у ее подножия страстями по избытку и недостатку. В нравственности наказания должна быть середина, т.е. граница между нравственным и безнравственным.

Автор монографии правильно замечает, что, по сути, Аристотель перенёс в этику известные положения древних греков: «Ничего слишком». Если взять за основу рассуждения Аристотеля при определении отношения человека к смертной казни, то нравственные начала должны быть главными, основополагающими по сравнению (наряду) с другими аргументами «за» и «против». Если в нравственности срединная основная фигура – человек, то в наказании все обращается вокруг общества в лице государства, ибо оно является творцом, субъектом обеспечения интересов общества.

Будучи субъектом права наказания, государство может быть нравственным или безнравственным. Поэтому когда говорится о нравственности либо безнравственности наказания, то имеется в виду именно государство, а не наказание, которое есть лишь средство в руках субъекта.

В этой связи проф. И. М. Рагимов делает чрезвычайно важный вывод: высочайшей целью любого развитого в нравственном аспекте общества выступают, разумеется, интересы общего блага и отдельных его членов. Следовательно, именно принцип справедливости является критерием оценки нравственности сущности государства в отношении к общему благу, а гуманизм определяет границы нравственности относительно отдельной личности.

Гуманизм – это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности и не дающая возможности государству прибегать к репрессивной модели уголовной политики в отношении личности преступника как носителя «злой воли».

Справедливость же выступает как принцип, который не позволяет государству нарушить золотую середину, т.е. предостерегает его от вредных последствий в случае пренебрежения интересами общественных благ.

Итак, ученый полагает, что если принцип гуманизма служит интересам конкретных личностей, то принцип справедливости в форме возмездия (воздаяния) – интересам общего блага.

Следовательно, при определении отношения к наказанию государство оказывается между двумя принципами – гуманизмом и справедливостью. По мнению проф. И. М. Рагимова, в соответствии с этими основными положениями философии, которые служат научной теоретической базой, основой исследования конкретных проблем других наук, в т.ч. и правовых, к основам нравственных начал наказания следует подходить исходя из философского понимания нравственности.

Из этого положения вытекает следующий вывод автора: неоспоримое право государства на

наказание и установление пределов принуждения означает, что именно этому органу принадлежит также и деятельность по выработке системы карательных мер, установлению точной и ясной границы между нравственным и безнравственным применением страдания и принуждения как противостояния государства и общества злу преступления.

Все эти рассуждения исследователь распространяет и на процесс уголовного правотворчества в целом. Законодатель, утверждает автор, должен быть убеждён не только в юридической, правовой необходимости, но и в нравственности принятого решения о наказании или же о его изменении. Значит, прежде чем устанавливать наказания, следует глубоко изучить социальные условия, обстоятельства, факторы, которые побудили законодателя к его заключению о необходимости принятия или изменения закона о наказании.

При этом в монографии совершенно справедливо подчёркивается, что особое значение имеет то, как воспринимает население принятие такого решения, ибо именно от этого зависит внутренняя убеждённость людей в необходимости и справедливости наказания и его практического применения. Главное, чтобы появилась нравственная потребность в том или ином наказании.

Профессор И. М. Рагимов указывает, что каждое наказание, его характер не должны возникать по капризу законодателя как представителя господствующей власти, а должны вызываться потребностями жизни. В противном случае такое наказание создает определённые социально-политические проблемы. Автор поддерживает мнение французского правоведа Ж.-Л. Бержеля о том, что социология как наука, анализирующая факты социальной жизни людей на достаточно высоком уровне обобщения, выступает в роли одного из существенных элементов, содействующих разработке, применению и эволюции позитивного права¹. При этом он согласен с русским философом права Б. А. Кистяковским, утверждающим, что процесс правообразования, по крайней мере на первых стадиях – чисто социальный процесс².

В то же время, отмечает ученый, успешная деятельность по созданию системы наказания зависит от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от владения юридической наукой и искусством «делать» законы. Он справедливо обращает внимание на то, что правовая культура, в свою очередь, тысячами нитей связана с общей культурой. Её мощное

¹ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.

² См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 208.

благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение людей, творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей.

Далее автор приходит к современности. Он отмечает, что современное уголовное законодательство часто не учитывает вышеизложенные факторы. Именно по этой причине уголовный закон не всегда получает «внутреннее» одобрение и согласие общества в его необходимости и справедливости. В частности, исследователь обоснованно указывает, что для уголовной угрозы, т.е. возможного уголовного наказания, как и для всякого средства воздействия, существует предел, за которым увеличение дозы, не повышая шансов на уменьшение зла преступности, начинает грозить расстройством целого или его более крупных частей. И значит, подчёркивает проф. И.М. Рагимов, установить искомый предел есть дело такта уголовного законодателя, задача его общей социальной политики.

Устанавливая то или иное наказание за определённое деяние, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придётся претерпеть известные чувственные страдания или нравственное лишение, ограничение как необходимое и разумное последствие. Автор полагает, что законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному, а значит, воздаяние не служит идее права, справедливости и нравственности наказания.

Здесь же им затрагивается проблема создания справедливого и нравственного закона о наказании, что называется «для всех времён и народов». Он совершенно верно указывает на то, что это сделать невозможно. И подробно объясняет, почему. Во-первых, потому, что каждое государство само определяет важность охраны того или иного объекта. В каждом государстве может быть свой подход к этому вопросу. Во-вторых, виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, поскольку каждая эпоха выдвигает свои критерии значимости преступных деяний. Следовательно, нравственные начала наказания зависят во многом от того, кто и в каких условиях и обстоятельствах им пользуется.

Профессор И.М. Рагимов справедливо говорит, что изменения в наказании зависят от общественно-политического устройства общества, от особенности личности конкретного правителя, склонного либо к тирании или к милосердию.

Он очень своевременно отмечает также, что история человечества свидетельствует, что уровень нравственных начал наказания напрямую зависит

от уровня развития самой нации и, значит, в принципе, можно утверждать, что система наказаний, как зеркало, отражает нравы, устои, традиции, уровень сознания, в т.ч. правового, каждого народа, нации.

В этой связи ученый указывает на два возможных варианта развития наказания: законодатель может идти впереди общества, показывая тем самым, что он – выразитель нравственного начала. И наоборот, можно быть законодателем, оказавшимся позади общества из-за незнания нравственного и культурного уровня своего народа. В таком случае общество получает не только неэффективную, но и вредную систему наказания.

Профессор И.М. Рагимов задается ещё одним весьма важным вопросом: должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением своего народа? Ответ на этот вопрос звучит двояко: конечно, он не должен и не может игнорировать мнение общества относительно справедливости наказания за определённое деяние. В то же время законодатель, опираясь на сущность и содержание своего общественно-политического режима, может пользоваться наказанием как сильнейшим средством для проведения в обществе своих целей и взглядов на те или иные проблемы жизни.

Затрагивает исследователь и исторический аспект темы, даёт краткую характеристику системы наказания в Древнем Риме, в эпоху Средневековья, ранней и средней Руси. Акцентирует внимание на влиянии церкви на развитие уголовного наказания в Западной Европе в период Средневековья. При этом он указывает на конкретные факты в истории западноевропейской церкви этого периода, когда средневековое христианство оказывало негативное влияние на процесс гуманизации наказания в европейском уголовном праве, имеются в виду и кровавые крестовые походы, и суды инквизиции, и гонения на верующих во имя «праведного» Бога.

Свои высказывания автор подкрепляет цитатами из Н. Макиавелли и законов о наказании, которые Моисей применял к своему народу как жесточайшие законы и наказания Пятикнижия.

Из исключительного права и исключительной возможности Всевышнего на суд справедливый следует ещё один вопрос, носящий важное прагматическое значение. Он также рассматривается в рецензируемой монографии.

Если истинно правосудным и справедливым может быть только один Бог, ибо именно Ему открыты самые сокровенные помыслы подсудимого, его внутренние мотивы деяния, означает ли это, что человека-судью можно простить в случае назначения несправедливого приговора, т.к. он не

имеет дара, подобного Всевышнему, и не может проникнуть в душу подсудимого, чтобы поверить в искренность мотива его поведения?

От судьи, отвечает на это проф. И. М. Рагимов, не требуется всеведения внутреннего мира подсудимого. Этим даром обладает только Бог. Да это не только невозможно, но и не нужно. Судья обязан лишь быть справедливым и правосудным настолько, насколько это вообще возможно человеку.

Но тогда вслед за этим возникает другой вопрос: в какой мере Всевышний наградил своего раба — человека способностью быть справедливым? Всевышний во всех своих Посланиях посвящает этому вопросу не одно установление.

Профессор И. М. Рагимов подробно рассматривает их. Кроме того, он анализирует взгляды на судебную реформу иудейского царя Иосия, суд Пророка Амоса, а также мнение известных богословов, таких как Блаженный Августин, который отмечал плачевное положение дел в судах и в целом в правосудии. Он обращается также к религиозному наследию Фомы Аквинского и философским взглядам Аристотеля, и вновь особое внимание уделяет соответствующим положениям Ветхого и Нового Заветов, а также Корана, указывая на существенные различия, которые содержат названные первоисточники.

В конце концов в монографии торжествует мысль о том, что дело истинного и справедливого правосудия всегда находится под неусыпным контролем и влиянием Всевышнего, что помимо суда Людского всех нас ожидает Высший суд Всевышнего, который каждому из нас воздаст по делам нашим. К этому тезису относится и дело справедливого судопроизводства, и дело справедливого и гуманного наказания.

* * *

Сочинение проф. И. М. Рагимова позволяет взглянуть на многоплановость понятия «наказание» — не только как понятия юридического, но и как религиозного, а следовательно, и как нравственного.

Кроме того, рецензируемая работа, как уже отмечалось, позволяет проследить историческое влияние религии на развитие уголовного права в целом и на развитие института наказания. Особый интерес в этом смысле представляет, в частности, Ветхий Завет как источник правовых основ института наказания.

Дело в том, что, как известно, библейско-таламудическое законодательство регулирует практически все сферы жизни и деятельности человека. Не является исключением и сфера наказания. На соответствующем этапе развития общества именно

санкции религиозных норм выполняют роль способа восстановления справедливости.

В Библии Бог сам о Себе говорит, что он Бог милости и любви и ненавидит всякое беззаконие.

Применительно к институту наказания в Ветхом Завете можно обнаружить основы принципа вины: «Удаляйся от неправды, и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исх. 23:7).

Определяя отношения членов общества вне круга домашней, личной жизни, Моисей предписывает каждому дорожить жизнью, личной свободой, имуществом и честью ближнего. В то же время из содержания Ветхого Завета видно, что все преступления расценивались как оскорбление самого Бога. Самым главным преступлением считалось преступление против веры. За служение ложным богам и богохульство побивали камнями!

Самым страшным преступлением — убийство, и поэтому Ветхий Завет не утверждает ни права денежного выкупа за убийство, ни права т.н. священных убежищ на укрытие убийцы от законной мести. Умышленное убийство могла отмыть только кровь, и даже святое место не могло спасти убийцу.

В этой связи исследователи, занимавшиеся изучением института наказания в Ветхом Завете, неоднократно обращали внимание на факт несоответствия библейской заповеди «не убий» распространенности применения смертной казни. Нередко это «несоответствие» объясняется тем, что требования-запреты «не убивай», «не проливай кровь» были обязательной нормой поведения только среди своих сородичей и соплеменников. Заповедь «не убивай» означает — «не убивай ближнего». В отношении же «дальних» могут применяться жесткие законы.

Одним из видов наказания, распространенным в Ветхом Завете, является кровная месть.

В то же время Ветхозаветные нормы ограничивали применение обычая кровной мести. Мстить можно было только лицу, причинившему ущерб. Вопрос о праве на месть рассматривался судом, она ограничивалась во времени и пространстве.

На этом основании некоторые специалисты по вопросам религии отмечали, что Библия содержит некоторые противоречия. Не является исключением в наличии противоречий и институт наказания. В этой связи проф. И. М. Рагимов задается вопросом: какова цель наказания по христианским канонам?

Ведь цель наказания — исправление грешника, недопущение совершения новых грехов и устрашение. Цель наказания — не возмездие, а врачевание болезненных состояний души самих грешников.

То есть, в принципе, здесь обнаруживаются следы цели наказания, присущей современному уголовному праву России: исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений. Это дает основание предполагать, что многие ветхозаветные и новозаветные установления явно противоречат и этой цели, и самим себе, что, в частности, подтверждается многократным упоминанием в Библии о праве на смертную казнь. Само существование этого вида наказания уже говорит о том, что нравственное исправление грешника (преступника) не во всех случаях есть истинная цель религиозного наказания, т.к. нельзя исправить человека, преданного смерти. А возможность лишения человека жизни предоставляется не только за убийство, но и за кражу, блуд, изнасилование, побои и даже за невольное оскорбление самолюбия (Быт. 28:41; 31:32; 34:27–29; 38:24; Исх. 2:11–12).

Как уже отмечалось, несоответствие религиозной заповеди «не убий» засилью кровной мести и смертной казни объясняется самой Библией посредством разделения окружающих людей на «своих» и «чужих». Однако как объяснить жестокость Библии, распространяющуюся и на «своих», «ближних»?

Древнерусское законодательство изначально не восприняло ни христианские идеи наказания, ни его виды. На оформление этого института уголовного права Древней Руси прежде всего оказали влияние обычное право, живучесть язычества и финансовая дальнорукость русских князей. Но с постепенным приходом христианства ситуация на Руси начала меняться – уголовное законодательство теперь предусматривало смертную казнь и в целом стало более жестоким. Данная тенденция, полагает проф. И.М. Рагимов, нуждается в объективном рассмотрении и научном объяснении и толковании.

* * *

Во второй главе монографии рассматриваются религиозные положения иудаизма и его значение в эволюции института наказания, а также сущность наказания по Ветхому Завету.

Первое, на что обращает внимание автор: иудаизм – религия, у которой нет конкретного основателя или лидера, или группы, как в исламе, христианстве или буддизме. Евреи (приверженные традиции) верят в то, что Пятикнижие – «пять книг Моисея» были дарованы Моисею в Божественном откровении и записаны им как единый текст. Но какой Бог даровал эти законы?

Израильтяне не думали, что Яхве, Бог Синайский, о котором говорил Моисей, – единственный

на свете Бог. Они просто, по настоянию Моисея, дали обет, что не будут поклоняться никому, кроме Него (Яхве). Но есть мнение, что скорее всего религия Яхве была «подлинным творением израильского народа. Она радикально отличалась от любой веры, когда-либо известной языческому миру» (И. Кауфман).

Далее автор указывает на то, что Еврейская Библия (Ветхий Завет) повествует о Боге в состоянии эволюции, о Боге, характер которого кардинально меняется с начала до конца изложения. Еврейская Библия обрела форму постепенно, в течение долгих веков, и порядок, в котором были написаны ее тексты, не соответствует порядку, в котором они расставлены ныне.

Затем исследователь отмечает, что во все времена странствования израильтян, как свидетельствует история, действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнью нарушителя религиозных и общественных установлений. Им было нужно приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и поэтому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Такие преступления, как воровство, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственное деяние и т.д. сурово наказывались смертью как преступное пренебрежение милостью Божьей.

Так, преступно безнравственной и караемой смертью признается в Ветхом Завете женитьба на вдове покойного брата.

Автор особо подчеркнул, что в израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образцу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнью. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

В то же время наказание, по Ветхому Завету, есть вразумление, которое несет в себе доброту, страдание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления.

Итак, Пятикнижие, делает вывод проф. И.М. Рагимов, – это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом, а не Моисеем еврейскому народу. Следовательно, можно с полным основанием считать это наказание как институт, который появился именно в этом Божьем Послании – первом слове Господа Бога. Наказание – неотъемлемый и важнейший компонент Божьего Закона, он Им освящен, принят еврейским народом как должное.

Если бы этот Закон был не от Бога, а от Моисея, то вряд ли евреи могли бы существовать в течение 4000 лет, руководствуясь человеческим законом.

Провозглашенная Богом религиозность, основанная на Ветхом Завете, покоится на единобожии, законодательство — на принципе равного воздействия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть иудейской религии.

В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору, в единственной фразе Гиллель ответил: «Не делайте другим того, чего бы не хотели от них для себя. В этом вся правда Торы, остальное комментарий»³.

Автор отмечает, что вообще уголовное законодательство по Ветхому Завету представляет собой особенное явление: на протяжении существования еврейского народа оно не только не исчезло, как у многих народов, а наоборот, совершенствовалось и дополнялось ценными преданиями и юриспруденцией.

Даже римское завоевание, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и расселение остальных не смогли подавить дальнейшего развития еврейского уголовного права. Казалось, что еврейский уголовный закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Однако именно этот закон, по мнению христиан, стал подготовкой для Закона Христа, который не отвергает Пятикнижие, но совершенствует его, обновляя одновременно и природный закон.

Господь Бог в Пятикнижии изложил не только религиозные, но и в определенной системе нравственные основы законодательства.

Профессор И. М. Рагимов разделяет утверждение, что религиозные начала понятия института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренного в Ветхом Завете, являются первыми по времени.

Моисей, в свою очередь, понимал, что главное — государственное устройство, создание политического пространства для установления и развития еврейского народа. А для этого следует сделать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принцип равного возмездия и конкретный вид наказания за данные преступления.

* * *

В третьей главе монографии автор пытается понять отношение Нового Завета к институту наказания, которое расходится с Божественными Заветами, установленными в Ветхом Завете.

В Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея (Мф. 5:21–48), Иисус Христос ведет прямую полемику с древним Законом и отменяет этот Закон, провозглашая свое учение, которое в отличие

от Торы, направленной только еврейскому народу, расширило пределы духовного действия Божьего Закона, ибо Тора ко времени Христа не могла быть принята другими народами. И Он это понимал.

В литературе некоторые авторы утверждают, что Иисус Христос переосмыслил старый Закон, раскрыл содержащийся в нем изначальный смысл, а именно «благодать, истину», который предназначен новому покорению евреев, созревших для его усвоения⁴.

Действительно, Евангелие содержит данные, указывающие на то, что Иисус Христос исправлял некоторые положения Ветхого Завета. Однако Новый Завет Иисуса Христа не исправлял некоторые положения Священного Писания — Десять заповедей Бога.

Автор исходит из того, что все изменения, которые Иисус Христос вносил в Старый Божий Закон, были от Всевышнего.

Как уже указывалось, Ветхий Завет предусматривает жесткие наказания. Господь Бог посредством Иисуса Христа поставил точку в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: христианство более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказания), закрепляет такое право за Богом, как предусмотрено во всех Писаниях.

Учение Иисуса Христа отменяет принцип талиона «око за око, зуб за зуб» и отдает приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39) — императив Иисуса Христа.

Одним словом, христианское этическое требование было иным, нежели иудейское: «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злым», «не противься злему». Соответственно данному требованию и суть наказания должна была быть другой.

Далее проф. И. М. Рагимов задается чрезвычайно важным вопросом: почему же все-таки с пришествием Христа прежний Ветхий Завет был заменен Новым Законом?

В христианской религии считается, что причиной послужило не то, что Ветхий Завет не был хорошим, а потому, что изменился сам человек, и средства обеспечения справедливости Ветхого Завета, в т. ч. и связанные с пониманием преступного поведения человека и применением наказаний, не были универсальными. Тогда возникает другой вопрос: в какой мере это объяснение влияет на сферу уголовного права и криминологии?

³ Вавилонский Талмуд. Шаббат 31 а.

⁴ См.: Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред.: А. Толкаченко, К. Харabet. М., 2013. С. 134.

В этой связи важно понять и то, в чем состоят принципиальные отличия между Ветхим Заветом и учением Иисуса Христа в области института наказания? Иными словами, на основе каких принципов следует определять наказание по Новому Завету?

Постановка этих вопросов проф. И.М. Рагимовым предопределяет его дальнейшие рассуждения.

Христиане называют Новый Завет законом любви, добродетели, поскольку в отличие от Ветхого Закона он не высечен в камне, а «начертан в сердцах». Поэтому исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь и адаптировать их к новым условиям жизнедеятельности людей можно только верой в Христа. Как писал Данте, она, вера, учила видеть не цвет, а свет и проникать в суть тех явлений бытия, которые могут быть в основе мировоззрения. Как известно, один из догматов, т.е. столпов христианства, – искушение и прощение грехов.

Покаяние – это раскаяние, которое может быть принято только после испытания наказанием. На философском языке – снято наказанием, а на юридическом – снято отбытием наказания. Христос учит, что единственное спасение человека состоит в осознании того, что противостояние злу злом является ложным. Иными словами, когда тебя бьют по щеке, надо подставлять другую и не сопротивляться, и даже поблагодарить обидчика. Смирненное отношение человека к злу реализуется в установках Христа: «не судите других», «любите врагов ваших, боготворите ненавидящих вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27).

И вновь проф. И.М. Рагимов возвращает к главному вопросу: почему учение Иисуса Христа отрицает наказание в борьбе со злом, с преступлением?

Ему представляется, что ответ на этот вопрос содержится в высказываниях ап. Павла. Он пытается объяснить, что человек, совершая подобные деяния, зависит от тех причин, которые находятся вне воли человека, в плоти его, и что человек не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого.

Итак, именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус неоднократно в разных ситуациях говорит о своем отношении к Старому Закону. Наиболее полно и конкретно формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21–48) Евангелия от Матфея, в частности: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5:38.38).

Очень важно, говорит в этой связи проф. И.М. Рагимов, что специалисты, исследующие вопросы наказания в виде смертной казни и отрицающие смертную казнь в качестве обязательного элемента наказательной шкалы, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. На это, например, указывал известный русский правовед Н.С. Таганцев⁵. В свою очередь, А. Бернер, протестуя против смертной казни по христианским законам, вполне резонно задавался вопросом: «Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»⁶.

Фома Аквинский указывал, что смертная казнь противоречит канонам христианства, ибо «наш Господь учит, что лучше позволить злему жить и оставить возмездие до Судного дня, чем предавать смерти добрых вместе со злыми»⁷.

Рассуждал о наказании, прежде всего о смертной казни, и великий Шекспир. Он часто писал о том, что при применении института наказания необходимо руководствоваться высшими законами христианской любви и милосердия: «Сам царь царей в скрижали внес закон: “Не убивай”»...

Анализируя вышеизложенное, автор не без основания обращает внимание на некоторую непоследовательность и самого христианского учения, и его комментариев на вопрос о смертной казни.

С одной стороны, он приводит хорошо известный пример с женщиной, виновной в прелюбодеянии, и слова Христа: пусть первым бросит камень тот, «кто без греха». С другой – утверждает: напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждает смертную казнь. Это утверждение он подкрепляет указанием на то, что в Евангелии Христос не возражал против смертной казни. Апостол же Павел в Послании к римлянам говорит: «Если же делаешь зло: бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите» (Рим. 13:1–7). По мнению автора, эти фразы означают, что правитель-христианин не может сомневаться в том, что, «карая», он поступает согласно воле Бога.

Он справедливо полагает, что немалое влияние на судьбу смертной казни в Европе оказала Христианская церковь. Еще при Феодосии Великом в конце IV в. в Католической церкви

⁵ См.: Таганцев Н.С. Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

⁶ Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 13, 14.

⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. VII. Ч. 2. Вопрос 64. Разд. 2.

появляется смертная казнь за религиозные преступления. Представители духовенства пропагандировали в законодательных учреждениях Западной Европы идею смертной казни.

Блаженный Августин допускал применение правителем при необходимости мер наказания «или словом, или бичем, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого утопающего»⁸.

Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнять веру, которая является жизнью души, — гораздо более серьезное дело, чем подделывать деньги, поддерживающие жизнь. Поэтому если справедливо отправлять на смерть фальшивомонетчиков и других преступников, то с еретиками следует поступать аналогичным образом.

Далее автор указывает на то, что и Русская Православная Церковь считает, что особая мера наказания — смертная казнь признается в Ветхом Завете. Обосновывает он это утверждение тем, что непосредственных указаний на необходимость ее отмены нет ни в одном источнике. Поэтому, заключает исследователь, христианская доктрина не осуждает и не запрещает применение смертной казни.

Следует признать, что данный весьма серьезный вывод требует более глубокого обоснования. Тем более что далее проф. И.М. Рагимов подробно останавливается на рассмотрении изречения Иисуса Христа «не противься злу» как едва ли не самого центрального пункта толкования Священного Писания, вокруг смысла и значения которого до сих пор не утихают споры, и совершенно справедливо указывает причину этих нескончаемых споров. Суть заповеди — пассивное воздержание от сопротивления обидчику. Действиям его надо противиться как необходимому злу. Если можно было сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательным и необходимо. Таким образом, Иисус Христос предлагает пассивный уровень нравственности, заключающийся в том, что само сопротивление злumu не может быть средством противодействия этому деянию.

Что касается заповеди, вытекающей из фразы «подставь левую», то она означает акт «терпения», т.е. терпи обиду, ибо такое терпение есть великая добродетель; в терпении есть великая ценность, и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Не пассивное воздержание требуется в данном случае, а любовное действенное терпение.

⁸ Блаженный Августин. О граде Божьем. Кн. 19. С. 1035, 1036.

Для анализа содержания вышеназванных положений и возможности их реализации в современной реальной жизни проф. И.М. Рагимов привлекает и анализирует целый ряд весьма важных первоисточников — высказывания Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, известного русского философа-правоведа В.С. Соловьева, отечественного юриста С.В. Познышева. Он обращается к тексту Старого и Нового Заветов, Корана и высказываниям апостолов Петра и Павла, древнего философа Конфуция. Однако от собственного вывода после проведенного анализа, к сожалению, уходит. Будем надеяться, что собственная оценка автора изложенных в данной части монографии положений Священных Писаний будет дана им в последующих изданиях рецензируемого труда.

* * *

Отдельному и углубленному рассмотрению подвергнуты постулаты учения Иисуса Христа как нравственной основы наказания.

Это весьма правильный подход, поскольку решения в праве, а тем более решения о наказании, безусловно, должны приниматься с учетом нравственных аспектов конкретной ситуации и учения Христа.

Автор правильно отмечает, что именно христианство внесло колоссальный вклад в нравственно-правовое развитие человечества. Разумеется, речь идет не только об идее любви к Богу и человеку, но и о существенном изменении отношения к понятию и сущности наказания.

Профессор И.М. Рагимов обращает внимание на то, что учение Христа вообще отвергает идею равенства между преступлением и наказанием, которая, как известно, была доминирующим принципом в Ветхом Завете. Взамен принципа равенства Новый Завет провозглашает морально-нравственный принцип Любви, оказавший существенное влияние на формирование и развитие института наказания.

Христианское учение предложило рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, которые причиняются человеку, совершившему преступление, а самое главное — без устрашения и страха.

Данная истина основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если невозможно, его изоляции, только до тех пор, пока необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторые представители этой теории предлагают привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление.

По сравнению с уголовным наказанием тюремного типа некарательное воздействие на преступника и меры по восстановлению его личности внешне выглядят просвещенными, нравственными, гуманными и современными. Именно поэтому задачу будущего в предупреждении преступлений представители данной теории видят в замене наказания мерами воздействия без элементов кары.

Автор правильно указывает, что идея некарательного воздействия не нова и имеет достаточно долгую историю. Ещё Ч. Ломброзо, опираясь на антропологию, уголовную статистику, уголовное право и тюремное ведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами.

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление — мерами социальной защиты. Такие меры сводились к поиску универсального средства уничтожения преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника.

Продолжая эту традицию, некоторые современные авторы полагают, что «криминология XXI века должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»⁹.

У этой концепции были и остаются противники. С.П. Мокринский в начале прошлого века писал, что стоит отнять у наказания черты принуждения и страдания, и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания, что оно может быть названо мерой принудительного воспитания, образования, врачебного пользования, презрения, изолирования, но отнюдь не наказания.

Спустя более века его поддержал Г.В. Мальцев, утверждая, что «чистое наказание без элементов кары — мечта либеральных деятелей нашего времени — есть иллюзия, способная превратить социальную реакцию на преступление в ничтожный акт»¹⁰.

Большое внимание нравственной сущности наказания было уделено известным русским философом и правоведом В.С. Соловьёвым в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». Автор призывал найти верное, правильное

соотношение в наказании преступника между устрашением и нравственным началом.

Но, как известно, принцип середины был провозглашен Аристотелем.

Завершая анализ третьей главы рецензируемого сочинения, хотелось бы пожелать автору более конкретно выразить и обосновать собственные суждения по рассматриваемой им весьма актуальной проблеме — сути, содержанию и цели уголовного наказания.

* * *

В четвёртой главе монографии проф. И.М. Рагимов рассматривает религиозные основания для наказания применительно к исламу.

Для того чтобы понять, как происходило зарождение и эволюция института наказания в исламе, автор кратко обрисовывает жизнь арабов до появления Корана — главного религиозного источника ислама. Он совершенно справедливо утверждает, что Коран — религиозная книга, священная для приверженцев всех исламских направлений. Она служит основой мусульманского законодательства, как религиозного, так и гражданского. Согласно учению ислама, Коран является прямым, вечным и несотворённым словом Аллаха.

Цель Корана, подчеркивает исследователь, — борьба не с иудаизмом и христианством, а с идолопоклонством, многобожием. Поэтому с точки зрения ислама иудеи и христиане не считаются неверными, а называются «людьми Писания», и сильное обращение их в ислам есть харам.

Далее справедливо указывается, что учение о джихаде пустило корни в Коране и закрепилось в нём. Нигде, ни в Коране, ни в хадисах Пророка Мухаммеда, нет ни намёка на то, что ислам приветствует убийства или насилие в отношении представителей других религий. Это очень важно понимать в связи с тем, что на Западе вообще утверждают, что ислам — религия насилия и ссылаются на Коран, забывая при этом про крестовые походы, когда христианская церковь ссылалась на Ветхий Завет.

В результате проведённого анализа проф. И.М. Рагимов делает весьма важный вывод о том, что никакого «учения» о джихаде в Коране нет. Следовательно, беспочвенны попытки протолкнуть в него идею, что джихаду даровано Божественное благословение.

Подводя итог этому своеобразному введению относительно назначения Корана, автор отмечает, что основная причина появления данного Писания связана с отдалённостью народа Аравии от истинного и праведного пути. И что особенно важно для основной темы исследования: Коран необходимо

⁹ Криминология. XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 12.

¹⁰ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.

понимать как Закон Аллаха, включающий в себя совокупность норм нравственных, религиозных и правовых, а это значит, что в основе наказания, согласно вере мусульман, лежат именно эти Божественные устои.

Специальному изучению подвергается в монографии эволюция идеи института наказания в исламском мире. И вновь автор первостепенное внимание уделяет нравственным началам наказания в Коране.

Профессор И. М. Рагимов в систематизированном виде раскрывает присущие исламу особенности его религиозной нравственности. В частности, он отмечает, что если христианская европейская этика отвечает на вопрос о том, зачем надо быть моральным, то мусульманская вера — как стать моральным, что для этого надо сделать.

Этика Корана не только включает обязанность верующего участвовать в добрых делах, но и противостоять злым.

Далее, ни в одной другой Священной книге не уделяется столько внимания милосердию, как в Коране. Там говорится: всякое зло чревато дурными последствиями, но лишь в той же мере, тогда как доброжелатель награждается десятикратно.

В отличие от других религий — иудаизма и христианства — в исламе нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — в виде «подставь левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Коран устанавливает *золотое правило*, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, ибо целью наказания является в первую очередь его исправление.

Анализируя божественные установки ислама, автор подчёркивает, что в государствах, где господствует ислам, власть выступает только слугой права, изданного Аллахом и его посланником Пророком Мухаммедом. Поэтому сущность добра для человека есть послушание божественному закону, неповиновение которому неминуемо ведёт к греху. Именно поэтому в период зарождения мусульманского уголовного права в основу института преступления и наказания была заложена цель уничтожения в корне греха.

Профессор И. М. Рагимов подчёркивает, что Коран разделяет грехи на малые и большие. Большие грехи — это те, о которых в Коране содержится особое предупреждение и проклятие или о которых сообщается, что за них положено наказание. Эти грехи следует считать преступлением. К таким большим грехам относятся, например, многобожие (ширк) и неповиновение родителям. К малым грехам, в понимании Аллаха, относятся те проступки, которые никому не нанесут какого-либо вреда.

Особое внимание уделено автором рассмотрению характеристики преступлений и наказаний по Корану. Он описывает такие преступления, предусмотренные Кораном, как запрет на убийство, о насилии, воровстве, прелюбодеянии, употреблении одурманивающих веществ и алкоголя, заведомо ложные клятвы, греховное злословие и ответственность за клятву, воздаяния для тех, которые воюют против Аллаха и посланника Его, виды обязательных наказаний.

Специальному изучению подвергается вопрос о Нафсе как основании наказания по Корану. Дело в том, что Коран очень часто упоминает душу человека в связи с совершением греха. А источником склонности к злу, греху, преступлению, заложенному в душе человека, является Нафс.

Как отмечает исследователь, Коран указывает также на существование внешних причин совершения зла (преступления). Это, в отличие от Нафса, — видимая сторона поведения человека: «Приукрашена для людей любовь к удовольствиям, доставляемым женщинами, сыновьями, накопленными кантарами золота и серебра, прекрасными конями, скотиной и нивами. Таково преходящее удовольствие мирской жизни...» (Сура 3, аят 14).

Характеризуя личность человека, совершающего преступления, Аллах говорит о том, что преступники лишены даже вторичного источника Света, они находятся словно бы в ночи беспросветной, которая и толкает их к совершению преступления, насилию, злых деяний. При этом Аллах и Пророк Мухаммед неоднократно замечают, что болезнь находится именно в сердце человека и что исцеление следует начинать именно с сердца человека. И единственным целителем, способным воздействовать непосредственно на сердце человека, является Аллах. Автор, безусловно, проявляет большую творческую смелость, когда приступает к расследованию проблемы наказания и предопределения в исламе.

Предопределение, а точнее «аль-када ва аль-кадир» — один из столпов исламской веры. Аль-када — это полная изначальная осведомлённость Творца обо всём, что происходило, происходит или произойдёт в мире. Аль-кадир — абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца.

Рассмотрев соответствующие положения Корана, проф. И. М. Рагимов формулирует целый ряд выводов, весьма важных для определения условий, когда наступает, согласно исламу, и религиозная, и правовая ответственность за совершение преступного злодеяния.

Из этих положений, по мнению автора, следует, в частности, что в Коране имеется множество

откровений, свидетельствующих о том, что Бог вводит в заблуждение лишь грешников, что, по Корану, человек все же несёт ответственность за свои поступки, несмотря на существование Божественного предопределения; что Предвидение Всевышнего не лишает людей свободы воли; что, по исламу, для нас всё определено в границах пространства и времени, но это никоим образом не говорит о безучастности человека и т.д.

Сформированные исследователем выводы важны для правильного понимания того, как религиозные положения ислама влияют на определение форм и размера наказания за совершенное, поэтому хотелось бы пожелать автору, чтобы в следующем издании данной работы его ответы на поставленные им же вопросы были более развёрнутыми. Это необходимо для того, чтобы читателю было проще понять взаимосвязь религии и наказания применительно к религиозным установкам ислама.

На последующих страницах монографии проф. И.М. Рагимов рассмотрел не менее трудную проблему, которую обозначил как «молчание Корана». Суть данной проблемы состоит в следующем: Коран, Сунна (сборник традиций, касающихся действий и высказываний Пророка Мухаммеда) и Иджма являются основными источниками мусульманского института наказания. Если в этих книгах отсутствуют соответствующие предписания относительно наказания и его применения за те или иные деяния, то используется Кияс, т.е. рассуждения в области права по аналогии.

Однако в целом, отмечает ученый, институт наказания в Коране не систематизирован в виде определённого кодекса и не сведён к обозримой совокупности общих принципов.

Безусловно, обобщающие конкретные религиозные отношения и неизменные элементы добродетели: справедливость, милосердие, совесть, мудрость и т.д., — непосредственно определяют религиозные наказания по Корану. Однако этого было недостаточно. Отсутствие ответов на многие вопросы жизни в обществе, которое постепенно откачивалось от существующих обычаев и традиций древности, в т.ч. и в области правовых отношений, требовало новых, дополнительных и разнообразных разъяснений, дополнений и толкований.

И они в конце концов появились, указывает автор. Праведные халифы Абу Бакр, Омар Осман и Али, как и другие сподвижники Пророка, решая конкретные уголовные дела в случае «молчания» Корана, т.е. когда в его установлениях не могли найти ответ в конкретной сложившейся ситуации, сами формулировали новые уголовно-правовые нормы, регулировавшие вопросы наказания, на основе расширительного толкования указанных источников. В итоге эти нормы наряду с Кораном

и Сунной стали приобретать нормативный характер и служить основой для судебного решения о назначении наказания. В дальнейшем они получили название «высказывания сподвижников». Этот вывод автора имеет важное историческое и современное значение.

Начиная с IX—X вв., пишет далее проф. И.М. Рагимов, роль источников развития и эволюции института уголовного наказания перешла к доктрине. Таким образом, исторический институт наказания в мусульманском уголовном праве берет начало от Корана и Сунны, но развивается на основе практики, которая часто отходила от Священной книги и установлений Пророка Мухаммеда. И в этом огромная роль принадлежит, естественно, учёным-правоведам, правовой науке.

Такая ситуация сохранялась до конца XV в., и только с образованием Османской империи заметное влияние на отрасль уголовного права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей.

К концу XV в. лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское уголовное право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Остальные государства отказались к середине XX в. от старой системы права и стали строить свое законодательство по двум основным образцам — романо-германскому и англосаксонскому.

Автор подчеркивает, что процесс становления мусульманского права проходил весьма непросто. Проблема заключалась в том, что большинство сохранившихся в Коране и Сунне уголовно-правовых норм, регулировавших вопросы наказания, считались имеющими божественное происхождение, а значит, вечными и неизменными. Следовательно, они не могут быть просто заменены уголовно-правовыми актами государства, хотя в этом и была острая необходимость, в силу исторического развития общества. Соответственно, замечает исследователь, правоведам приходилось «выкручиваться» и придавать данным уголовным нормам юридический характер.

Поскольку затронутые в монографии проблемы наказания носят предельно актуальный и современный характер, а также в целях выполняемого проф. И.М. Рагимовым исследования было бы очень интересно узнать, как преодолевались и дальше будут преодолеваться указанные трудности, и как на практике разрешится глубокое противоречие между традиционными ценностями Корана и новыми криминологическими тенденциями современности.

Завершая главу четвертую монографии, ученый делает весьма точный и важный вывод:

мусульманское уголовное право предоставляет законодательно полную свободу в выборе меры наказания за любое преступление, исключая лишь несколько видов, в отношении которых Кораном предусмотрены неизменные меры наказания. Разрабатывая теорию преступления и наказания за него, мусульманские юристы исходили из того, что прежде всего все деяния, поступки и даже мысли людей предопределены волей Аллаха. А это означает, что любое преступление необходимо рассматривать как непослушание воле Всевышнего и как наказуемое нарушение мусульманских запретов, за что следует соответствующая «земная» санкция.

Одновременно преступление выступает и как религиозный грех, влекущий уже загробную кару. Это чрезвычайно важное религиозное положение, однако не отменяет необходимость дальнейшего научного уголовно-правового и криминологического исследования и разрешения поставленных в главе четвертой книги вопросов.

* * *

Пятая глава рецензируемого произведения посвящена вопросам наказания в религиях индуизма и буддизма.

Профессор И. М. Рагимов весьма подробно рассматривает вопрос о происхождении индуизма, дает характеристику важнейшим памятникам индусской религии как юрист, анализирует содержание наиболее известного среди древних памятников юриспруденции Кодекса Ману в аспекте определения условий и видов наказания за грех и преступление.

В результате проведенного анализа он приходит к выводу, что преступление в Законах Ману и других религиозных актах представляет собой деяние общественно опасное, в то время как грех — деяние, последствия которого носят чисто личный характер по отношению к виновному.

Закон Ману, например, делит все деяния человека на три вида: происходящие от мысли, от речи и от тела. Ряд одновременных греховных деяний выступает от речи и от тела, а также в статусе преступных.

Тем не менее, указывает автор, индусские религиозные писания проводили определенную грань между представлениями о греховном и преступном. Наказание выступает главным средством, при помощи которого царь обеспечивает соблюдение каждым подданным своей дхармы (долга), ведь люди изначально, по своей природе, порочны и не могут соблюдать священный закон иначе, как под страхом наказания.

Из содержания индусских религиозных писаний следует, что поддержание государственной

власти посредством наказания проходит в них красной нитью.

Религиозный источник индуизма в то же время призывал «царя, восседавшего на троне Дхармы», быть бескорыстным и беспристрастным ко всем существам, соблюдая обет солнца (1.28. А. 34). Кроме того, согласно Законам Ману, вынесение несправедливого приговора влекло не только светскую, но и личную духовно-нравственную ответственность и для царя, и для судьи. Царь, получая право наказывать, должен (обязан) тщательно заботиться о своей душе, воспитывая в себе как можно больше положительных качеств и усердно преодолевать свои пороки.

Обращает на себя внимание разнообразие наказания в виде членовредительства: отрубание пальцев, отсечение ног, рук, ушей, подрезание ахиллова сухожилия и т.д. Но было и наказание в виде конфискации имущества, штрафа, изгнания из страны.

Особое, весьма пристальное внимание религиозные индусские акты уделяют преступлениям против семьи и нравственности: прелюбодеяниям, изнасилованиям, скотоложеству, мужеложеству, связи между лицами женского пола и др.

Подводя итог характеристике и рассмотрению религиозно-нравственных основ уголовного права в индуизме, проф. И. М. Рагимов отмечает, что все его предписания, в т.ч. и правового характера, излагаются таким образом, что на первый взгляд не требуют от своего адресата обязательного их соблюдения. Поэтому складывается впечатление, что эти Законы — не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако, как подчеркивает автор, следует учитывать, что в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедренный в сознание масс закон кармы, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни.

* * *

Монография проф. И. М. Рагимова включает в себя и рассмотрение нравственных основ буддизма как основы для наказания за совершенные злодеяния. Как и в предыдущих разделах книги, исследователь дает краткую характеристику данного религиозного учения.

С одной стороны, буддизм представляет собой явление чисто индусское как естественный продукт времени и среды, в которых он зародился. С другой — с самого начала он утверждает себя в качестве религии независимой. Религии, в которой веет новый дух и в которой мощная личность

основателя оставила неизгладимый отпечаток. Как отмечает автор, сердцевиной буддизма является буддистская этика — учение, раскрывающее суть праведной жизни. Её цель — сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими.

Что касается проблемы преступления и наказания, то, как указывает исследователь, для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов наказания, поскольку это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление по буддизму — болезнь, учение — лекарство, Будда — врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями нужно не наказанием, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей.

В заключение проф. И.М. Рагимов утверждает, что учение Будды задало совершенно новую, сугубо духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей.

* * *

Содержит рецензируемая монография и краткое, но очень необходимое в данном случае рассмотрение учения Конфуция. Автор справедливо указывает, что Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев, и это, в свою очередь, определило отношение китайского народа к понятию преступления, сути и назначению наказания. Более двух с половиной тысяч лет Конфуций является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплощением их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает его как жизненную установку.

В чем суть учения Конфуция применительно к уголовной политике? «Не делай другим того, чего не пожелаешь себе». Самая главная добродетель, которая, по мнению Конфуция, может спасти общество, — «жэнь». Существуют разные переводы этого термина: внутренняя доброта, любовь, благожелательность, совершенная добродетель, гуманность и человеколюбие. В Китае Конфуций объявил «жэнь» высшей добродетелью. Он призывал любить людей, своих собратьев.

Автор справедливо подчеркивает, что особое место в учении Конфуция занимает вопрос о взаимоотношении этики и уголовной политики, в частности наказания. С его точки зрения, приоритет принадлежит этике, хотя философ и не отрицал

роль карательных мер, наказания в поддержание правопорядка и законности. Вместе с тем Конфуций высказывал мнение, что управление с помощью стыда эффективнее, чем управление с помощью наказаний. Он полагал, что, если руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится.

В то же время Конфуций не отрицал и значения светской власти. Конфуций учил, что как для закона нужен репрессивный аппарат, так и для правил, установленных для поддержания порядка, нужен благородный муж, согласно Конфуцию, — император. Его задача — быть гарантом соответствия государственного управления ритуалу.

Профессор И.М. Рагимов верно отмечает, что учение Конфуция по своему содержанию очень близко к учению Христа, который исповедовал великодушные, терпимые и всеобщую любовь.

* * *

Рецензируемое сочинение проф. И.М. Рагимова завершается краткими выводами, в которых отражены основные положения его научного исследования. В этой связи отметим, что, на наш взгляд, было бы более правильно, если выводы из монографии ввиду их чрезвычайной актуальности, обоснованности и убедительности получили бы свое более четкое оформление в виде отдельного, самостоятельного раздела, например, как «Заключение», и были бы более развернутыми.

В завершение же нашей рецензии хотелось бы сказать ещё несколько пожеланий автору.

Первое. Необходимо, безусловно, продолжать начатые в монографии исследования, которые можно условно обозначить словосочетанием: «мир религии и наказание глазами юриста, учёного и практика». Понятно, что данная тема, по существу, не знает границ, она бесконечна, но, как говорится, — дорогу осилит идущий.

В наше непростое, а иногда хочется сказать и смутное время, людям нужна вера. Все больше и больше людей говорят об этом. И вовсе не обязательно, чтобы это была всеобщая вера во Всевышнего, в его учеников и его Писания. Это может быть вера в прекрасное будущее человечества, народа, страны, государства. Но это должны быть не просто фантазии или пустые мечтания, а именно вера. Она должна на чем-то зиждиться. Такой основой может быть великое историческое прошлое народа и государства, великие свершения народа-победителя, экономические, геополитические успехи, великие достижения в области культуры, искусства и, конечно, права.

Это может быть и национальная идея, в которой чётко, ясно и понятно будет изложен глубокий и истинный смысл бытия страны, народа и каждого человека.

Именно для достижения этих целей, их осознания, а затем для успешной борьбы за их достижение и нужны глубокие научные исследования, монографии, подобно той, которую подготовил проф. И. М. Рагимов.

Пожелаем же ему успехов в этом архитрудном, но, безусловно, благородном деле!

Второе. Представляется, что практическая значимость произведения проф. И. М. Рагимова будет намного выше, если автор в новых его изданиях покажет современную криминологическую обстановку в мире и отдельных странах, её новые и новейшие тенденции и свяжет все это с основными постулатами очерков о нравственных и религиозных основах наказания.

Например, было бы интересно узнать: как отмена смертной казни, соответствующая определённым церковным канонам, влияет на воплощения в жизнь религиозного завета «не убий!»; каково отношение верующих и неверующих к законодательной новелле?

Как соотносится религиозный гуманизм и метод убеждения по отношению к преступнику с существующей тенденцией законодателя заменять наказание в виде реального лишения свободы на судебный штраф? Не является ли эта мера возможностью для виновного просто откупиться от правосудия?

И наоборот, почему в уголовном законе должны появиться карательные нормы за оправдание фашизма и совершенных им преступлений против человечества? Разве недостаточно в этом случае просто морального, нравственного осуждения тех, кто реабилитирует фашизм? Кроме того, было бы, конечно, интересно узнать, как вообще спустя всего несколько десятилетий после Великой Победы над фашизмом вообще возможны и реабилитация, и возрождение фашизма? В чем здесь промысел Божий?

Третье. Монография проф. И. М. Рагимова, как представляется, должна быть обращена не только в прошлое, но и в будущее. А значит, должна быть обращена, может быть, в первую очередь к молодёжи.

Нынешняя молодёжь не знает ужасов войны, трудностей послевоенного лихолетья, трудностей перестройки, Великой трагедии разрушения Советского Союза, сложностей «демократизации» и перехода к рыночной экономике. В то же время

молодёжь и справа, и слева постоянно зовут к революции, на баррикады.

Что же мы, юристы, ученые и практики, можем сказать и предложить им в свою очередь?

Да и надо ли? И если да, если надо, то как, каким образом в условиях нашей современной жизни донести до молодёжи религиозные ценности о мире и постулаты о морали, нравственности? И о преступлении и наказании? Донести так, чтобы эти религиозные и нравственные ценности стали ей понятны и вошли очень важной частью в её пока ещё неопределившееся и неокрепшее мировоззрение, которое сейчас постоянно искушают псевдолиберальным учением о свободе личности и правах человека и иногда призывая к самым омерзительным формам существования, явно противоречащим основам любой религии (смена пола, однополые браки и т.д.).

Есть ещё немало проблем современности, которые нуждаются в религиозном и морально-нравственном освещении и оценке именно юристами, ибо это они, юристы, прежде всего ответственны за содержание и нравственность законодательства, ожидаемые результаты его реализации и за меры и виды наказания в случае его несоблюдения и тем более грубого нарушения.

Но мы ещё раз выражаем твёрдую убежденность, что эта задача по плечу нашему уважаемому коллеге проф. И. М. Рагимову. И он её, вне всякого сомнения, успешно решит и тем самым внесёт новый и значительный вклад в развитие таких важнейших разделов правовой науки, как теория государства и права, история политических и правовых учений и, конечно же, уголовное право и криминология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.
2. *Бернер А.* О смертной казни. СПб., 1865. С. 13, 14.
3. *Блаженный Августин.* О граде Божьем. Кн. 19. С. 1035, 1036.
4. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 208.
5. Криминология. XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб., 2000. С. 12.
6. *Мальцев Г. В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.
7. Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред.: А. Толкаченко, К. Харabet. М., 2013. С. 134.

8. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. М., 2016. С. 19.
9. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. VII. Ч. 2. Вопрос 64. Разд. 2.

REFERENCES

1. *Berzhel Zh.-L.* General theory of law / under the general editorship of V.I. Danilenko; transl. from French. М., 2000. P. 275 (in Russ.).
2. *Berner A.* On the death penalty. SPb., 1865. P. 13, 14 (in Russ.).
3. *Blessed Augustine.* On the city of God. Book 19. P. 1035, 1036 (in Russ.).
4. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1998. P. 208 (in Russ.).
5. *Criminology. The twentieth century* / ed. by V.N. Burlakov, V.P. Salnikov. SPb., 2000. P. 12 (in Russ.).
6. *Maltsev G.V.* Revenge and retribution in the ancient law. М., 2012. P. 129 (in Russ.).
7. *World of religion on crime and punishment* / scientific ed.: A. Tolkachenko, K. Kharabet. М., 2013. P. 134 (in Russ.).
8. *Tagantsev N.S.* The death penalty. М., 2016. P. 19 (in Russ.).
9. *Thomas Aquinas.* Summa theologii. Vol. VII. Ch. 2. Question 64. Sec. 2 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАСТРЫКИН Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Председатель Следственного комитета Российской Федерации; 119146 г. Москва, ул. 1-я Фрунзенская, д. 3а

Authors' information

BASTRYKIN Alexander I. – Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation; 3a, 1st Frunzenskaya str., 119146 Moscow, Russia